

A blue dump truck is driving through a cemetery at night. The truck's headlights are on, illuminating the path. The cemetery is filled with various tombstones and gravestones. Bare trees are visible in the background, and the sky is dark with some clouds. The overall atmosphere is eerie and somber.

Евгений Павлов-Сибиряк

**А на кладбище не
всё спокойненько**

Евгений Павлов-Сибиряк

**А на кладбище не
всё спокойненько**

«Автор»

2026

Павлов-Сибиряк Е.

А на кладбище не всё спокойненько / Е. Павлов-Сибиряк —
«Автор», 2026

Вы когда-нибудь задумывались, почему на кладбище всегда тише, чем в любом другом месте? Почему там даже ветер затихает, а птицы перестают петь? Потому что это — территория мёртвых. И у них свои законы, свои хозяева, свои смотрители. Живые здесь — гости. И не все гости желанны. В книге «А на кладбище не все спокойненько» -документальные свидетельства тех, кто переступил порог кладбища и столкнулся лицом к лицу с тем, чему нет научного объяснения. Ночные свечения над могилами, призраки, требующие вернуть украденное, невидимые сущности, мёртвые, приходящие во сне и указывающие дорогу. Дети, которые смотрели туда, куда взрослые боялись повернуть голову. И много других паранормальных событий на погосте, в морге, которые свидетельствуют о том, что смерть не всегда ставит точку. Иногда она лишь меняет форму существования. И те, кто ушёл, не всегда уходят окончательно. Некоторые остаются. И ждут. Спрашивается, готовы ли вы узнать, чего они хотят?

Содержание

Пролог	5
На кладбище порой и очень смелые робеют	7
Некропривязка, или Кавалер с кладбища	9
Мсть покойника, или Верни, иначе смерть	18
Неведомые стражи, или Встреча у входа на кладбище	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгений Павлов-Сибиряк

А на кладбище не всё спокойненько

Пролог

Книга «А на кладбище не все спокойненько» – очередной сборник из серии «НЕВЕДОМОЕ». А это значит, что все рассказы, вошедшие в неё, написаны по реальным событиям, которыми поделились очевидцы. Люди, пережившие столкновение с необъяснимым. Те, кому довелось заглянуть за ту тонкую грань, где привычный мир даёт сбой, и увидеть то, что не вписывается ни в какие научные теории.

Эти истории делятся на два типа. Первый – документально-художественные произведения, в основе которых лежит реальное событие. Я, как автор рассказа, взял за основу факты, изложенные очевидцами, и доработал их литературно – добавил атмосферу, описание переживаний, чтобы читатель мог глубже прочувствовать тот самый миг, когда реальность неожиданно изменилась. Второй тип – архивные истории. Они почти не тронуты редактурой. Только исправлены грамматические и орфографические ошибки. В них нет художественных прикрас – только сырая, непричёсанная правда, рассказанная человеком, который столкнулся на кладбище с необъяснимым. И не только на действующих кладбищах, курганах, но и на местах бывших, снесенных захоронений. А также в моргах.

Здесь нет фэнтези, выдуманных страшилок. Здесь нет красивых баск для ночных посиделок. Здесь – только свидетельства. И от этого становится страшнее. Потому что каждый, кто прочитает эту книгу, поймёт: то же самое может случиться с ним. Стоит лишь оказаться в нужное время в нужном месте. Или, наоборот, в ненужное. Или просто переступить невидимую черту, о которой многие не знают, но которая существует – независимо от нашего знания и нашей веры.

Многие люди считают, что кладбище – место тихое и безмятежное. Место, где покоятся усопшие, а живые могут прийти, постоять, вспомнить их и после этого уйти. Это заблуждение. Земля мёртвых – это особая территория. Со своими законами. Со своей энергетикой. Со своими обитателями. Потому и существуют правила поведения на кладбище, которые вырабатывались веками – нашими предками, религией, ведунами, а теперь и учёными-исследователями паранормального. В этой книге вы найдёте краткие пояснения о том, как вести себя на погосте, чтобы случайно не столкнуться с погостными сущностями, не навлечь на себя их гнев, не подцепить, например, некропривязку.

Что такое некропривязка? Это неконтролируемое жертвой состояние, когда к тонкому плану живого человека привязывается неуспокоенная душа умершего. Она начинает питаться его энергией, менять его эмоции, поведение, сны, а затем – забирать жизненные силы, постепенно ведя к гибели. Обычно это происходит, если сильно жалеть покойного, брать с кладбища что-то – даже случайно. Или если кто-то из недоброжелателей используя магию, намеренно подбрасывает вам землю с погоста.

Герои этой книги сталкивались с разным. Некоторые видели таинственное свечение между могилами – пульсирующее, живое, приближающееся, как огромный глаз, который смотрит на тебя из тумана. Другие потеряли могилу близкого человека, хотя помнили все ориентиры, и нашли её только после того, как усопший указал дорогу. Одна женщина встретила на кладбище призрак незнакомой девочки. Воин-афганец ночью на погосте столкнулся с чёрной фигурой, которая росла, разрасталась до размеров чёрной дыры, и понял, что не может пошевелиться. Один нехороший человек украл из древнего склепа перстень, и ему приснился покойный старик, который требовал вернуть его, угрожая смертью. Многие безуспешно искали

могилу, пока не попросили помощи у Хозяина кладбища, и тот пришёл в облиии кота, собаки, птицы. Один человек, обладающий особым даром своими глазами, видел, как во время похорон покойник вышел из могилы и подал знак живым. Но это только малая часть из архива «НЕВЕДОМОЕ».

Все эти истории – не для того, чтобы напугать. Они для того, чтобы предупредить. Чтобы вы знали: кладбище – это не место для беспечности. Каждый ваш шаг, каждое ваше слово, каждая эмоция – всё имеет значение. Мёртвые помнят. Мёртвые чувствуют. Мёртвые, и не только, иногда приходят. И они не всегда добры.

Прочитайте. Запомните. И, если случится оказаться на кладбище, будьте внимательны. Потому что не всё, что там происходит, подчиняется законам нашего мира. Иногда – оно подчиняется другим. Но вы теперь будете знать, что нужно делать, если встреча с потусторонним всё же произошла.

А теперь к историям тех, кто пережил встречу с неведомым и согласился поделиться своей правдой. Возможно, их опыт когда-нибудь поможет вам или вашим близким. Или, наоборот, заставит лишний раз подумать, стоит ли задерживаться на погосте после заката.

На кладбище порой и очень смелые робеют

Рассказ написан по мотивам истории, которую поведал Н. Николаев.

Да, чего только не бывает на этом белом свете. Чем дольше живу, тем больше убеждаюсь, что неведомое, потустороннее действительно может существовать, верим мы в это или нет. Просто есть люди, которым уже приходилось сталкиваться с различными мистическими явлениями, а есть те, которые пока не готовы к таким встречам. У каждого из них своя правда. Я принадлежу, скорее, к первым. Бывали в жизни необычные случаи. Сегодня расскажу об одном таком.

Много лет отработал на КАМАЗе – мусоровозе. Несколько раз в месяц диспетчер в дополнение к обычному моему повседневному маршруту подкидывал большой крюк для заезда на какое-нибудь городское кладбище. Мол, давай, Николай, стоняй по-быстрому в гости к покойничкам, заberi у них отходы, а затем на своём участке отработай по полной программе.

Бывало, прикалывался, мол, ты на кладбище-то ворон ртом не лови, головой, как локатор крути, будь осторожен, не привези оттуда нечистую силу либо кого из не упокоенных, а то потом замаешься возвращать их обратно на погост. Будешь, как пес Шарик из Простоквашино, мотаться за зайцем. Так и будут к тебе покойнички являться и нервы вытягивать в струну. А далее обычно начинал рассказывать какую-нибудь заковыристую историю из серии «Байки из склепа».

И ведь накаркал, говорливый зубоскал, вляпался-таки я в небывалую историю на кладбище. Да в такую, что и сейчас, когда вспоминаю, не по себе становится. Всё это безобразие приключилось лет десять назад, когда на календаре минула половина дождливой осени. Дни стали короче, а ночи холоднее. Я тем утром выехал в рейс пораньше обычного, ещё было совершенно темно. Ведь мне на погосте предстояло прилично потрудиться, загрузить около сорока мусорных контейнеров, да ещё затем на свой участок вернуться и там весь хлам успеть собрать.

До пункта назначения добрался без проблем. Да и поначалу всё было как обычно. Подъехал к центральному входу, рядом с закрытыми воротами притормозил, просигналил. Вскоре в сторожке зародилась какая-то жизнь, медленно открылась дверь, на пороге появился заспанный сторож, приветственно махнул рукой, подошел к моей двери, стрельнул сигарету, поблагодарил и распахнул скрипучие ворота в иной мир. Я потихоньку въехал в город мёртвых и направился по усыпанной осенней листвой дороге в самый дальний могильный квартал.

Остановился возле первой площадки с контейнерами. Решил перед началом работы дымком подышать. После тёплой кабины на улице было сыро и неудобно. Над хмурой, промокшей землёй неподвижно и низко, зацепившись за верхушки деревьев, висят серые облака, сквозь прорехи которых светит полноликая луна. Между памятниками и крестами стелются клочки редкого седого тумана. В безветренном сыром воздухе чувствуется запах увядающей травы и опавшей листвы. А еще какая-то сладковатая, приторная нота, которая оседает на языке, как невидимая паутина. Было слышно, как где-то в глубине кладбища, за рядами почерневших крестов, закаркала одинокая ворона. Её голос был сухим и настойчивым, будто она кого-то звала или предупреждала, но его почти перекрывал ровный, утробный гул двигателя моего КАМАЗа – единственный живой звук в этом царстве вечной тишины.

Перекурил, и началась привычная работа. Прошло около получаса. Останавливаюсь возле очередной площадки с контейнерами, а дальше всё по накатанной – встаю у рычагов, цепляю контейнер, закидываю, разгружаю, водружаю на место. Ну вот и всё – здесь моя миссия завершена.

Только сложил лапу, чтобы переехать на другую площадку, краем глаза замечаю недалеко от себя в темноте какое-то мерцание. Поворачиваюсь, вижу, среди озябших деревьев, тёмных

памятников и надгробий светится что-то. Между могильными оградками невысоко от земли сине-белое свечение пульсирует: то разгорается, то затухает.

Я стоял, наверное, минут пять, всматриваясь в туманную мглу, пытаюсь понять, что же там может быть. Это было что-то необычное, ни на что не похожее. Рука сама собой сжала холодный металл рычага мусоровоза – привычный, надёжный якорь в этом прохладном мире. Пальцы онемели от холода, ведь до этого внутри кабины было тепло. Было странное чувство: тело здесь, а мысли уже там, в том сине-белом мареве, которое пульсировало между надгробий. Никогда не был закрытым для новых познаний, но что-то внутри, где-то под ложечкой, противно сжалось, подавая слабый сигнал тревоги. Стало любопытно, и я, пересиливая эту липкую тревогу, решил подойти поближе, чтобы разгадать таинственное представление.

Пробираясь между старыми надгробиями по ковру опавших листьев, я заметил, что захоронения в этом месте довольно старые – им примерно по двадцать-тридцать лет. Воздух здесь, между оградками, был гуще и холоднее, чем на дороге. Он облеплял лицо, как мокрая марля, и в нём отчётливо пахло чем-то металлическим – возможно, старыми венками, ржавым железом или чем-то другим, чему я не мог подобрать название. Оставалось пройти всего метров десять, и тут, в узком проходе между оградками, я увидел источник своего любопытства.

Воздух в этом тёмном коридорчике показался густым и плотным, с неоновым тёмно-синим оттенком. Он резко выделялся на фоне седого тумана. Но самое удивительное – это его колебания и вибрации. Время от времени в воздухе возникали разряды и вспышки, похожие на крошечные молнии. Скажу вам, это таки невероятное и завораживающее зрелище. А вокруг царил вязкая тишина, лишь было слышно, как вдалеке тихо урчит двигатель КАМАЗа.

На мгновение этот большой мерцающий сгусток воздуха замер. Не могу объяснить почему, но понял, что попал в его поле зрения или сектор обзора. Это было похоже на то, как если бы тебя внезапно накрыло чьё-то внимание – тяжёлое, холодное, липкое. Я остановился и почувствовал, как вокруг начала сгущаться тревожная аура. Мне стало не по себе, захотелось стать маленьким и невидимым, провалиться сквозь землю и поскорее покинуть это место. Но ноги словно приросли к мокрой земле. Я стоял каменным истуканом, боясь даже моргнуть. Внезапно по телу снежной лавиной пробежал озноб, кожа покрылась пупырышками, а сердце бешено застучало. И вдруг свечение «ожило», резко приподнялось на полметра из тумана и стало приближаться ко мне.

Я всегда был уверен, что являюсь смелым человеком. Но скажу вам честно, в тот миг струхнул не по-детски: чуть штаны содержанием организма не замарал. Старт был таким резким, что я не почувствовал ног – они просто взорвались адреналином, швырнув тело вперёд. Я летел между могил, не разбирая дороги, перепрыгивая через оградки, как спортсмен на беговой дорожке, и только краем сознания отмечал, как в лужах отражается мой собственный, искажённый ужасом силуэт. Газанул и буквально диким кабаном долетел до КАМАЗа. Дверь захлопнулась, и я, не помня себя, воткнул передачу. Машина взревела, и я рванул с места, стремительно, как на ралли «Дакар», но только по кладбищу, прошуршал, поскрипывая тормозами на поворотах. Грузовик заносило, и я чувствовал, как крупная дрожь сотрясает руки, сжимающие баранку. Сторож на выезде, конечно, был весьма озадачен моими дикими виражами, в лунном свете его квадратные глаза наглядно показывали высокую степень удивления.

После того случая мне, конечно же, доводилось ездить туда. И не единожды. Но теперь это делал всегда только в светлое время. В первый же приезд сходил на то самое место, осмотрел его – ничего особенного, старые оградки, могилы и проход между ними. Ни каких следов чего-то необычного. Я так и не понял, что произошло тогда, но никому из своих не стал рассказывать, чтобы не давать повода для глупых насмешек. А вот здесь решил поделиться своей историей: может быть, кто-то знает, с чем или с кем я мог столкнуться в тот раз посреди ночного кладбища?

Некропривязка, или Кавалер с кладбища

Рассказ по истории постоянного читателя, сохранившего инкогнито.

Кладбище, на взгляд обычных, неподготовленных людей, может показаться тихим и умиротворяющим местом: старые, тенистые деревья, птички, оградки, старинные склепы, особая, глубокая тишина. Однако это впечатление обманчиво. По словам знакомой знахарки, территория мёртвых может быть опасной для тех, кто не умеет защищаться от потусторонних энергий. Одной из опасностей является некропривязка. Это состояние, когда к тонкому плану человека привязывается потусторонняя кладбищенская сущность. Она начинает вытягивать силы и энергию от живого, а также влиять на его эмоции и настроение. Это не просто случайное явление, а вполне реальная угроза, которая может серьёзно изменить жизнь человеку и даже преждевременно свести его в могилу. Знаю, о чём говорю, не понаслышке мне это известно, поскольку с моей младшей сестрой произошло подобное.

Эта довольно опасная история произошла в ныне далеком 2012 году. В самом начале августа. На тот момент мои родители уже четыре года как перебрались жить на побережье южного моря. Конечно, мы всегда оставались на связи. В наше время для этого достаточно просто взять телефон и позвонить.

Приблизительно где-то за неделю до страшного события, о котором далее пойдет речь, позвонила мне мама, рассказала свои свежие новости, поинтересовалась моими делами, а под конец разговора сообщила, что в этот раз у них с отцом не получится даже на несколько дней прилететь на малую родину, немного погостить. Под конец вздохнула:

– Сынок, через неделю – годовщина моей мамы, твоей бабушки. Сходи на кладбище, наведи там порядок, помяни. Ладно? Пообещай.

Дал слово. Хотя, если честно, был там прежде несколько раз, но в последний – пять лет назад. Так уж складывались обстоятельства.

Через три дня после этого разговора, совершенно неожиданно, без предупреждения, как снег на голову, из Москвы прилетела Надюшка, моя младшая на шесть лет сестренка, которая училась на четвертом курсе МГУ. Примчалась на две недели студенческих каникул. Вот вместе с ней мы через несколько дней отправились на старое городское кладбище, где покоится наша бабушка.

Поехали рано утром. Я рассчитывал управиться к обеду, поскольку были неотложные дела. Город только просыпался. Солнце уже поднялось над крышами пятиэтажек, но его лучи были какими-то бледными, словно даже светило не решалось до конца разогнать утреннюю дымку, что стелилась вдоль асфальта. На улице пахло, как ни странно, почему-то железом – то ли от трамвайных путей, то ли от старого завода, который виднелся на горизонте. Я крутил баранку и краем глаза поглядывал на Надю. Она сидела, прижавшись к стеклу, и молча смотрела на проплывающие мимо улицы, на людей, которые спешили на работу, на очередь у остановки – на всю эту суетливую жизнь, которая казалась такой далёкой от того места, куда мы ехали. В салоне пахло её духами – чем-то лёгким, цветочным, и этот запах странно контрастировал с предстоящим визитом в город мёртвых.

При въезде на кладбище мой автомобиль остановил местный сторож, пожилой мужичок с загорелым, морщинистым лицом, похожим на печёное яблоко. На его голове была кепка – старая, выцветшая, с засаленным козырьком, и он поправил её привычным движением, прежде чем заговорить. От него пахло махоркой и дешёвым «тройным» одеколоном, который в советское время был в каждом доме. Мужичок, приветственно приподняв кепку, поинтересовался, в какой квартал нам надобно? Узнав, что нужная могила находится в старом секторе кладбища, предупредил, что там на дороге ведутся ремонтные работы, заменяют асфальт, и объяснил, как можно подъехать поближе к нужному месту.

Я поблагодарил его за предупреждение, и мы поехали по указанному маршруту. Дорога вилась между старых могильных кварталов, и я заметил, как Надя всё чаще поглядывает по сторонам. Её пальцы нервно теребили край лёгкой кофты, хотя в салоне было тепло. Доехали до куда было возможно, а там уже пешком к нужному кварталу. Когда мы вышли, воздух на кладбище показался мне не просто прохладным, а каким-то плотным, насыщенным. Он оседал на коже липкой влагой, и в нём смешивались разные запахи: мокрой земли, увядших цветов, старого железа и ещё чего-то сладковатого, приторного, от чего хотелось чихнуть.

Кладбище тем утром было подёрнуто лёгкой дымкой, похожей на марлю. Поднимающееся солнце яркими лучами пробивалось сквозь густые кроны старых лип и берёз, но свет падал пятнами, неровно. Где-то стучал молоток, пронзительно визжала "болгарка" – наверное, устанавливали новый памятник. Эти звуки казались неестественными в утренней тишине погоста, они резали слух, как нож по стеклу.

Мы углубились в старый сектор, и я почувствовал, как в груди начинает разрастаться холодная пустота. Деревья здесь росли гуще, их кроны почти полностью перекрывали небо, превращая утро в ранние сумерки. Оградки были старые, с облупившейся краской, кое-где покосившиеся, и надгробия, почерневшие от времени, казались не памятниками, а какими-то древними стражами, которые молчаливо наблюдали за нами. Надя на этом кладбище была лишь однажды, в отрочестве, во время похорон бабушки, но шла бодро, уверенно. Хотя заметил, как вздрагивает каждый раз, когда из-за ограды взлетает потревоженная птица, либо под ногой хрустит ветка или стебли засохшей травы. Эти звуки вязли в тишине, как в густом сиропе, и каждый раз я чувствовал, как она на мгновение задерживает дыхание.

– Не боишься? – спросил я.

– А чего бояться? – она дёрнула плечами. – Мёртвые ведь не кусаются.

Я легко улыбнулся. Тогда ещё не знали, что она ошибётся. Сильно. Опасно.

Долго искали бабушкину могилу. Время тянулось мучительно, и я начинал злиться – на себя, на то, что не запомнил место лучше, на эту проклятую траву, которая за лето разрослась и скрыла все ориентиры. Надя устала, начала злиться. Я видел, как её лицо, ещё недавно спокойное, покрывается красными пятнами раздражения. Она останавливалась каждые несколько шагов, вглядываясь в надгробия, затем вздыхала, отворачивалась. А потом, глядя на меня, вдруг хлопнула себя по лбу:

– Неумеха! Надо бабушку попросить о помощи!

И сказала вслух, негромко, но вежливо, как разговаривают с живыми:

– Бабуля, родная. Помоги найти тебя. Неужели ты нам не рада?

Я удивился, откуда сестра знает эту народную примету? Хотел сказать, что это глупости, но язык не повернулся. Слишком тоскливо было долго находиться среди могил. И слишком уверенно Надя это сказала.

Удивительно, но буквально через несколько секунд появилась птичка-трясогузка. Она возникла словно из ниоткуда – маленькое серое пятнышко на фоне старого, заросшего мхом памятника. Птичка уселась на оградку ближайшей могилы, потрясла хвостом, пискнула, перелетела на другую оградку, потом на третью. Надюшка заулыбалась, и в этой её улыбке, появилось что-то тёплое, светлое. Она уверенно сказала:

– Идем за ней, она нам путь показывает.

– Надь, это глупости! Какие-то птички...проводники.

– Просто иди за мной.

Я хоть и сомневался в этом способе, но двинулся вслед за сестрой. Стыдно признаться, но в тот момент внутри меня шевельнулось что-то незнакомое, липкое. Появилось чувство, как будто за нами наблюдают. Не только птичка – кто-то ещё. Или что-то. Я оглянулся: между оградками, в глубине могильных кварталов, никого не было. Но я чувствовал этот взгляд. Тяжёлый, пристальный, он скользил по моей спине.

Птичка вела нас уверенно – сначала по главной аллее, потом свернула в боковой проход, где деревья росли так густо, что их ветви сплетались над головами, образуя зелёный шатёр. В это трудно поверить, но действительно, птичка-невеличка привела нас к бабушкиной могиле. Она уселась прямо на памятник, повертела головой, глянула на нас своим чёрным блестящим глазом – и в этом взгляде мне почудилось что-то осмысленное, как будто она проверяла, правильно ли нас привела. А потом, когда мы подошли, улетела. Удивительно, но это факт.

Надя поблагодарила: «Спасибо, бабуль». Я промолчал, оглядывая фронт предстоящей работы. Могилы и участок заросли высокой травой – крапива, какие-то ползучие стебли. Крапива стояла стеной, достигая почти пояса, и её жгучие листья, шевелились от наших шагов. Ветви сирени, посаженной когда-то давно, разрослись и переплелись с соседними кустарниками, создавая непролазную чащу. Пластиковые цветочные композиции выпцвели, превратившись в бледные, безжизненные клочки, которые белели среди зелени, как осколки старого, забытого мира. Оградка облупилась, краска слезала хлопьями, как старая омертвевшая кожа, и под ней уже выступала ржавчина – рыжими, мокрыми пятнами.

Не теряя времени, занялись делом. Навели порядок, вырвали густые заросли, покрасили оградку (мама меня предупредила, чтобы я взял с собой краску), собрали в мешок мусор, выбросили в контейнер, помянули усопшую да отправились назад к машине.

День разгулялся, погода стояла чудесная, даже жаркая, но на кладбище в тени старых деревьев было более-менее прохладно. Мы пробирались между оградками могил, рассматривали памятники и уже почти выбрались к дороге. Здесь почти впритирку к придорожной канаве был проложен новый ряд со свежими могилами. Свободной земли почти не осталось на старом кладбище, ранее мне на глаза попадалась информация, что его собираются закрыть и потом будут проводить только подзахоронение.

Вдруг рядом с одной из новых могил Надя остановилась резко. Разглядывала мемориальную табличку на могильном кресте, а потом прижала руку к губам и после паузы как-то печально-удивленно посмотрела на меня. Я подошел к ней, прочитал информацию о покойном, глянул на фото в квадратной рамке. На снимке был запечатлен молодой парень. Двадцать пять лет. Красивый, с лёгкой нагловатостью во взгляде. Улыбается, чуть прищурившись. В этой улыбке было что-то такое, от чего мне стало не по себе – дерзкое, самоуверенное, как будто он знал что-то такое, что неведомо другим. Тёмные волосы, кожаная куртка-косуха.

И дата. Свежая. Парень покинул белый свет всего восемь дней назад.

Лицо покойного показалось смутно знакомым. Но я не мог вспомнить, откуда.

Я вопросительно глянул на Надю. И увидел, как по её щекам текут слёзы. Она не всхлипывала, не вытирала их – просто стояла и плакала молча. Так бывает, когда человек не может себя остановить, когда горе, даже чужое, неожиданно находит путь к самому сокровенному.

Я растерялся. Моя сестра – гордая, наемного замкнутая, всегда держала эмоции при себе, а сейчас стояла и плакала над чужой могилой, и в этом молчаливом плаче было что-то неправильное, неестественное.

– Надь, кто это? – спросил я тихо.

Она не ответила. С минуту стояла, потом прошептала:

– Такой красивый... И теперь... вечно молодой. А я мечтала, что он станет моим парнем.

Ее слова меня удивили и озадачили, но я не стал задавать вопросы. Решил, что придет время, и она сама все объяснит. Я вздохнул. Обнял её за плечи. Она прижалась, и мы постояли так. Потом сказал: «Пойдём», – и мы перебрались через канаву и по дороге направились к машине.

На обратном пути Надя рассказала. Парня звали Сергей. Он был старшеклассником из соседней школы, потом стал диджеем, мотогонщиком, байкером, по клубам тусовался. Она влюбилась в него ещё в восьмом классе, но никогда не подходила – знала, что в школьные годы не было на него никаких шансов. Такие, как он, смотрели на других девушек. Доступных.

Раскрепощённых. А она была тихоней с косичками. И когда она говорила об этом, я слышал в её голосе не просто сожаление – была боль. Боль от того, что она, как ей казалось, не соответствовала, не была достойна внимания этого красивого, дерзкого парня.

– Я его везде искала, – говорила Надя, глядя в окно. – На дискотеки ходила, в клубы. Один раз даже на мотоцикл его села. Ну, пассажиром. Спросил: «Не боишься?» Ответила: «С тобой – нет». Он улыбнулся. Прокатил, было здорово. Запомнил, наверное. А потом... я в Москву уехала.

В конце разговора попросила отвезти ее к хорошей подруге, чтобы разузнать, что с ним случилось. Пока ехали, вспомнил, что видел этого парня в одном из ночных клубов за диджейским пультом. Но тогда он был в другом образе, поэтому сразу не узнал его.

Потом Надя неделю пропадала со своими подругами. А я был на работе. Конечно, созванивались, пытался, так сказать, держать руку на пульсе, быть в курсе событий. Узнал, что парень погиб, разбившись на мотоцикле, смерть была ужасной, мгновенной. Как водится, они с подругами помянули его добрым словом, а потом отправились к школьным друзьям. Сестра уже давно не маленькая девчонка, у нее своя жизнь, свои интересы, друзья, круг общения. Иногда ночевала дома, но приезжала поздно, когда я уже спал.

В мой выходной проснулся от звука воды на кухне. Было ещё рано, солнце только начало пробиваться сквозь занавески, и в комнате стоял серый, неуютный полусвет. Я вышел в коридор, заглянул на кухню и замер. Надя стояла у раковины, мыла чашку. Спиной ко мне. Я сразу заметил, как осунулись её плечи – обычно она держалась прямо, с вызовом, а тут словно согнулась под тяжестью. Лопатки выпирали под тонким халатом, и в этом было что-то болезненное, неправильное. Когда обернулась, я вздрогнул. Под глазами – фиолетовые круги, такие глубокие, словно она не спала несколько суток подряд. Кожа бледная, серая, как пепел, с землистым оттенком, который бывает у тяжелобольных. Губы сухие, потрескались, уголки рта опущены – даже улыбка, которой она пыталась меня встретить, выглядела натянутой, неестественной, как маска, приклеенная к лицу.

– Надь? Ты чего, такая? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри уже закипала тревога. – Не высыпaeшьсЯ?

– Всё нормально, – она отмахнулась, но этот жест вышел каким-то вялым, безжизненным. – Тусовки, вечеринки, танцы до утра. Притомилась, немного.

Улыбнулась. Улыбка вышла натянутой, как маска.

Хотел спросить ещё, что-то, но она отвернулась.

– Давай в парк ходим, – предлагаю. – Погода хорошая. Проветришься.

Она, немного помедлив, кивнула.

Парк рядом с домом. Старый, с прудами и тенистыми тополями. Мы сели на скамейку возле давно не работающего фонтана.

– Со мной что-то странное творится, – начала она негромко, и голос её звучал глухо, как будто она говорила из-под воды. – Ты только не смейся.

– Не буду.

– Меня почему-то тянет на спиртное. Сильно. Я раньше могла выпить максимум пол бокала вина – и всё. А вчера одна полбутылки вискаря выдула. И мало показалось. И ещё – стала безбашенной. Как будто тормоза сломались. В клубе чуть не подралась ни за что. А потом... – она запнулась. – Потом вышла на улицу. Там байкеры стояли. Я подошла к одному, говорю: «Прокати». Он смеётся: «Девушка, вы в своём уме?» А я вдруг начала сыпать терминами – про движок, подвеску, про передаточные числа. Откуда я это знаю? Я же в мотоциклах вообще не разбираюсь! Он удивился, спросил, кто меня научил. Я сказала: «Сама». И он повёз.

– Страшно было?

– Очень. Но кайфово. Такое чувство, что я уже это делала. Много раз. – Она закрыла лицо руками. – И каждую ночь мне снится он. Серёжа. Покойник.

– Что за сны?

– Яркие. Как наяву. Он подходит, улыбается, всё время зовёт куда-то за собой. Вчера приснилось – сижу на его мотоцикле, ветер в лицо, а он сзади обнял и говорит: «Поехали, Надюшка, я тебя летать научу». А мне страшно. Просыпаюсь в холодном поту. Сердце колотится, бешено. И всегда – холодок на затылке. Прямо ледяное пятно, как будто снеговик дышит.

Она поёжилась, и я почувствовал, как по моей собственной спине пробежал холодок. Это было неприятное, липкое ощущение, как будто кто-то невидимый прикоснулся к моей шее ледяными пальцами. Я оглянулся. Никого. Только старые тополя, склонившиеся над прудом, и их тени, длинные и чёрные, тянулись к нам, словно хотели накрыть нас с головой. Холодок не проходил.

– И мышцы на ногах болят, – продолжала сестра. – Так, что, иногда хромаю. У Наташки, старшая сестра – врач, осмотрела меня, сказала – неврология, таблетки выписала. Несколько дней принимаю, не помогают.

– Надь, – сказал я после паузы. – А может, это из-за того, что ты на могиле плакала? Где-то читал, что нельзя долго стоять у могилы покойника, жалеть сильно. Мёртвые могут прицепиться. Правда, не написали, как это.

Она подняла на меня глаза – испуганные, красные.

– Ты в это веришь? – спросила она, и голос её прозвучал, как у маленькой девочки, которая боится темноты.

– Вообще ни во что не верю, – признался. – Но ты ведь таешь на глазах. Таблетки не помогают. Давай сходим в церковь, закажем сорокоуст о упокоении души Сергея.

Мы пошли через парк к выходу. И на дорожке нам встретилась женщина. Лет сорока, в тёмном платке, лицо простое, ничем не примечательное – такое лицо можно увидеть на любой улице, и не запомнить. Но в глазах её было что-то странное, какая-то глубокая, неподвижная ясность. Она шла не спеша, а когда почти поравнялась с нами, остановилась и уставилась на Надю. Не в лицо – за спину, куда-то поверх плеча, и в этом её взгляде было что-то такое, от чего мне стало не по себе.

– Девушка, – сказала тихо, – а ты знаешь, что за тобой мёртвый стоит?

Надя побледнела. Её лицо стало блее мела, и я видел, как её руки, сжимающие сумочку, задрожали. Я шагнул вперёд:

– Вы кто?

– Никто, – женщина пожала плечами. – Но иногда покойников вижу. Не могу молчать, простите. Стараюсь предупредить. У покойника за вашей спиной, куртка чёрная, байкерская. Высокий, красивый. Он на вас смотрит и улыбается. Но не по-доброму. И глаза злые.

Надя молчала, только часто дышала. Я взял её за руку. Пальцы у неё были ледяные, как у статуи.

– Я не знахарка, – продолжала женщина, и в голосе её появилась какая-то мягкая, почти материнская забота. – Господь дал мне только видеть, а не лечить. Но ты, девонька, сходи к батюшке, покаяйся, закажи службу. А если не поможет – ищи ведуну. Только осторожно, сейчас много шарлатанов.

Она перекрестилась и пошла дальше. Я проводил её взглядом: фигура в тёмном платке быстро растаяла за деревьями, как будто её и не было. Но холодок, который она принесла с собой, остался – он висел в воздухе, липкий и назойливый.

Конечно, мы были очень удивлены, ведь женщина посоветовала Надежде, то что и я ранее предлагал. Думаю, это не случайность. Дошли до церкви. Священник выслушал, принял записку на сорокоуст. Мы купили свечи, поставили, зажгли, стали молиться, как могли, своими словами. Надя крестилась неумело, зябко кутаясь в лёгкую куртку. Я смотрел на иконы и

думал: неужели всё это правда? А сам чувствовал – да, правда. Неприятный холодок в затылке не проходил.

Прошли сутки. Ночью меня разбудил резкий крик. Я подорвался с постели, бросился в спальню к Наде. Она сидела на кровати, вцепившись в простыню, и вся дрожала. Лицо мокрое от слёз, волосы растрёпаны, взгляд безумный, испуганный. Увидев меня, вскочила, кинулась ко мне. Я обнял сестру, стал успокаивать. Она дрожала крупной дрожью, и я чувствовал, как её тело сотрясает озноб, хотя в комнате было тепло.

– Он приходил, наяву – выдохнула она, и голос её сорвался на шёпот. – Злой. Сказал, что я его обманула, что обещала быть с ним, а теперь хочу, чтобы его убрали. И звал за собой. За руки хватал. Тащил в темноту. Еле вырвалась.

Я крепче прижал её к себе, чувствуя, как бешено колотится её сердце. И понял: что-то не сработало. Нужно срочно искать выход из этой жуткой ситуации. Я перебирал возможные варианты, и вдруг в голове что-то щёлкнуло. Вспомнил. Тут же позвонил матери, всё рассказал. А под конец спросил:

– Мам, помнишь, когда Надя была маленькой, вы её к какой-то бабке возили? Я смутно припоминаю, что-то такое было.

Мать минуту помолчала. В трубке было слышно, как она тяжело дышит, собираясь с мыслями. Потом заговорила быстро, с тревогой в голосе:

– Да! Действительно... Возила к знахарке, тёте Клаве, в деревню. Когда Наде около двух лет было. Однажды мы гуляли с ней в парке. Я присела на лавочку, а Надя рядом бегала. К ней подошла незнакомая старуха и неожиданно погладила её по голове. Начала что-то говорить, но я прогнала странную незнакомку. И после этого Надя стала всего бояться – темноты, игрушек, даже меня. Не оставалась одна ни на минуту. Плакала постоянно, не спала, плохо ела, худела. Врачи ничего не могли найти – по анализам получалось, что девочка совершенно здорова. Но малышке становилось всё хуже, хотя мы чуть ли не каждый день ходили в больницу. Однажды какая-то женщина в очереди подсказала: «Свозите к тете Клаве в деревню, она знахарка, снимает разные напасти, которые врачам не по силам». Мы поехали. Тётя Клава тогда помогла – травами, заговорами. Малышка уже через день была здоровой, веселой. Ну а я потом у батюшки каялась, но дочку жалко было.

– А сейчас она жива, мам? Ты адрес помнишь?

– Адрес помню. А жива ли – не знаю. Телефона у неё точно не было, да и в те годы в деревнях откуда телефон? Вы поезжайте, может, и жива. Хран.и вас Господи

Я записал адрес. Мы быстро собрались и выехали на моей машине. Дорога заняла часа три. Надя в пути дремала. Ноги её то и дело немели, она просыпалась и растирала икры, и я видел, как она морщится от боли. В этом было что-то неправильное, болезненное, и каждый раз, когда я смотрел на неё в зеркало заднего вида, мне становилось всё тревожнее.

Деревня встретила запахом свежего хлеба и лаем собак. Дом тёти Клавы стоял на центральной улице, обычный деревянный, с зелёными ставнями и палисадником, в котором росли отнюдь не цветы, а сплошь какая-то трава – высокая, серебристая, с острыми, как ножи, листьями. Я постучался. Калитка скрипнула, и этот звук отдался в моей голове звоном. Вышла женщина. Ожидал увидеть дряхлую старуху, а передо мной стояла крепкая, коренастая, с тёмными живыми глазами мадам. Возраст – непонятный: может, пятьдесят, может, больше. Волосы с проседью, забраны в пучок, руки жилистые, крестьянские, с крупными, натруженными пальцами. Она окинула нас взглядом, остановилась на Наде. Мне показалось, что в её глазах мелькнуло узнавание.

– Здравствуйте, – сказал я. – Нам бы тётю Клаву.

– Я Клава, – она поджала губы. – А вы чьи будете?

– Мы из города. Мою сестру зовут Надя. Её в детстве к вам привозили, лет двадцать назад. Она тогда всего боялась, не спала. Вы помогли. Теперь снова помощь нужна.

Тётя Клава перевела взгляд на Надю, прищурилась, и я увидел, как её глаза стали внимательными, взгляд – пронзительный, словно она заглядывала внутрь сестры, куда-то глубоко, под кожу. Потом медленно кивнула.

– Помню. Глазёнки такие же. Проходите. Только сразу скажу – я не гадалка, не колдунья. Травами лечу да старинными заговорами. Если вам что другое надо – ищите в другом месте.

– Нам нужна помощь, – сказал я, чувствуя, как голос начинает дрожать. – С сестрой странное творится.

В избе пахло сушёными травами и воском. В углу под старинной иконой горела лампадка, и её слабый свет выхватывал из полумрака пучки сухой мяты, зверобоя, ещё каких-то трав, названий которых я не знал. Тётя Клава усадила нас за стол, долго смотрела на Надю. Потом обошла её кругом, и я заметил, как она дважды останавливается за спиной у сестры, прислушиваясь к чему-то, что была способна слышать только она.

– Так, – сказала негромко. – Вижу. За тобой, девонька, мёртвый стоит. Молодой парень, черноволосый, в кожаной куртке. Недавно умер. Ты на кладбище пожалела его, сильно. Слёзы пролила – он и прицепился.

Я переглянулся с Надей. Тётя Клава точно описала Сергея.

– Что значит «прицепился»? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Женщина села напротив, сложила руки на столе и стала подробно, неспешно рассказывать. Голос её был ровным, в нём слышалась уверенность человека, который знает, о чём говорит:

– Это называется некропривязка. Когда живой человек слишком сильно – невольно, по глупости – притягивает к себе неупокоенную душу умершего. Появляется связь, сильный канал, по которому жизненная энергия живого человека утекает к неупокоенному. Обычно связь возникает из-за привязанности, сожаления о потере близкого. Чаще всего это происходит на кладбище, если долго жалеть покойника, непрестанно тосковать, плакать. Мёртвый чувствует эту жалость как приглашение. Иногда некропривязку создают специально, чтобы навредить. Например, под дверь жертвы или в её еду подкладывают землю с кладбища. Или наоборот, фотографию либо личные вещи живого человека кладут в гроб к умершему. Мертвец начинает следовать за живым, питаться его энергией. Сначала – появляется беспокойство, страх, яркие сны. Потом окутывает слабость, появляются нескончаемые боли в ногах – через них неупокоенный цепляется. Потом – потеря воли у живого, тяга к смерти, желание уйти за покойником. Если не оборвать такую связь – человека не станет. Он просто увянет за несколько месяцев. Врачи скажут – остановка сердца. А на самом деле – жизнь высосал мертвец.

Она замолчала. Надя сидела белая как полотно, и я видел, как её руки, лежащие на столе, дрожат мелкой дрожью.

– Мне уже каждую ночь снится, – прошептала она. – И ноги болят. И тянет гонять на мотоцикле, рисковать.

– Вот видишь. Дальше будет еще хуже. – Тётя Клава встала. – Но вы успели. Сейчас обряд сделаем.

Она достала из темного комода две свечи – одну чёрную, другую обычную, белую. Протянула ножницы:

– Надя, дай мне несколько своих волос.

Надя отстригла тоненький пучок. Тётя Клава обмотала ими белую свечу – так, что волосы прилипли к воску.

– Это ты, – сказала она, показывая на белую свечу. – А это – он, – на чёрную.

Поставила свечи на стол. Зажгла сначала чёрную, потом от неё – белую. Пламя дрогнуло, свечи зашипели, чёрная сильно закоптила, и от неё пошёл густой, едкий дым. Знахарка что-то шептала неразборчиво, и я слышал, как в её шепоте смешиваются слова, похожие на молитвы и древние заклинания. Потом она достала нож. Не кухонный, другой, необычный – с тёмной

рукоятью, с выщербинками на лезвии, которые поблёскивали в свете лампадки, как зрачки ночного зверя.

– Грей, – велела мне. Я подержал нож над пламенем белой свечи. Потом знахарка взяла его и начала водить вокруг Нади – по часовой стрелке, медленно, будто разрезая невидимые нити.

– Обрубаю, отсекаю, от покойника освобождаю. Аминь, – читала она шёпотом, трижды обходя сестру.

Надя стояла с закрытыми глазами. Губы дрожали.

Потом тётя Клава опустилась на колени и провела ножом возле ступней сестры, сначала одной, потом другой.

– Переступи, – велела она.

Надя переступила с ноги на ногу прямо через нож. Ещё раз. И ещё.

– Мертвому место в земле, живому на земле. Аминь.

Клава поднялась, посмотрела на свечи. Белая свеча горела ровно, чёрная – потрескивала, но без копоти.

– Чисто, – сказала знахарка, и в голосе её послышалось облегчение. – Отошёл. Теперь защиту поставим.

Она достала горсть монет, читала над ними какой-то заговор, завернула огарки свечей в чёрную тряпицу и узелок отдала мне.

– Отвезешь на то городское кладбище, на перекрёсток дорожек, там оставишь. Монетки – туда же. И уйдёшь, не оглядываясь. Когда будешь проходить через ворота с кладбища, говори: «Кто за мной увязался, тот здесь лежать остался».

Она дала Наде выпить отвара – горького, с полынным привкусом.

– Утро вечера мудренее. Переночуете у меня.

Надя уснула почти сразу. Я сидел за столом, пил чай с душицей. Тётя Клава штопала что-то под лампой, и я смотрел на её руки, которые двигались быстро и уверенно, видимо делали это много лет.

– Слушай, парень, – сказала она, не поднимая глаз. – Вы ведь люди крещёные. В церковь ходите?

– Ходим. Не часто, но ходим.

– Тогда вот что запомни. Обращаться к знахарям, магам – это большой грех. Библия, церковь не велит. Но жизнь иногда дороже. Как вернётесь – покайтесь батюшке о том, что были у меня. Надя пусть в Москве, после каникул, подготовится к причастию – неделю почитает специальные молитвы, попустится, сходит на исповедь. И тогда причастится. Это закрепит очищение. А ты сам «Отче наш», и молитву, которую дам, читай сорок дней.

– Сделаю, – кивнул я. И почувствовал, как с плеч сваливается тяжёлый груз.

– И ещё. На будущее. Не носите вещи умерших, не храните их фото вместе с фотографиями живых, на могилах чужих не стойте долго, не жалеете до слёз. Жалость – это особый крючок. Пожалел – и мёртвый зацепится. Отпускайте. Обязательно молитесь об ушедших, но без тоски.

Утром мы уехали. Надя выглядела лучше – здоровый цвет лица вернулся, под глазами почти не синело. В машине она крепко спала, и, проснувшись, сказала: «Впервые за много дней ничего не снилось».

В городе мы заехали в церковь. Я рассказал батюшке всё, как есть. Он выслушал, вздохнул:

– Бог милостив. Кайтесь, сын мой. А сестре твоей надобно – готовиться к причастию. Неделя молитвы и поста, исповедь, и тогда – Святых Тайн. Да укрепит её Господь.

Надя уехала в Москву через два дня. Я позже узнал от неё, что она всё выполнила – подготовилась и причастилась. Сны прекратились, покойник Сергей больше не приходил. Ноги

не болели. С тех пор прошло много лет. Надя закончила университет, вышла замуж, родила двоих детей. Живут хорошо.

PS/ Известно, что некоторые люди любят гулять по кладбищам, особенно старинным. А я, знаете, теперь обхожу их стороной, без надобности не посещаю. Не потому, что боюсь. А потому, что понял: граница между мирами тоньше, чем мы думаем. И переступать её без нужды не стоит.

Раньше не верил в мистику, магию, потустороннее. Думал: «предрассудки», «бабкины сказки», «самовнушение». А теперь знаю: есть вещи, которые не объяснишь с материалистической стороны.

Мой совет. Когда стоите у могилы – даже близкого человека – не плачьте слишком сильно. Не жалейте до истомы. Помяните тихо, поставьте свечу и уходите. Живым – жить, мёртвым – покоиться. Не путайте эти два берега. Иначе можно и не заметить, как за спиной кто-то встанет непрошено. И не из вашего рода. А совершенно чужой. Незримый. И совсем не с добрыми намерениями.

Месть покойника, или Верни, иначе смерть

Рассказ по мотивам событий, которыми поделилась Виктория из Муром.

Решила и я одну мистическую историю рассказать. Правда, произошла она не лично со мной. Но свидетельницей случившегося была почти от самого начала и до конца. И главный вывод из истории сделала такой: мёртвых обижать нельзя, отомстят.

Сама-то я деревенская. Семейная жизнь не задалась. Единственного сыночка не уберегла, в садике корью заразился. Брак распался – муж оказался никудышным, преуспевал лишь в пьянстве да похождениях налево. Прогнала. Работы с хорошей зарплатой на селе не сыскать. Несколько лет пыталась работать в городе, но денег хватало лишь на аренду жилья и питание, да отправить немного родителям в деревню.

Искала выход из ситуации, и, как говорится, кто ищет, тот найдет. Уже много лет тружусь на вахте, собираю урожай фруктов. Труд не из легких, но платят хорошо, бывало, в месяц и за 70 тысяч выходило. Плюс бесплатное проживание и трехразовое питание. Иногда и стоимость проезда оплачивают. К тому же это всегда путешествие. Довелось побывать в Крыму, Краснодарском крае, на Ставрополье, да еще много где. И всегда после вахты домой не торопилась, на несколько дней задерживалась, с местными обычаями, кухней знакомилась.

А мистика произошла шесть лет назад в Северной Осетии (Алании). Я тогда там три месяца яблоки собирала. Познакомилась с Николаем, мужчиной моего возраста. Сказал, что тоже одинокий, стали встречаться без обязательств. Поначалу производил приятное впечатление: балагур, непьющий, рукастый, трудолюбивый. Правда, прижимистый, потом, когда во Владикавказе снимали квартиру, так он предложил оплачивать аренду поровну. Хотя денег заработал поболее моего. Он не из России, и, по его словам, только за один месяц в Осетии заработал столько, сколько на родине и за три месяца не получал. Ну да Бог ему судья. Потом, как выяснилось, жадность к деньгам чуть не свела его в могилу. Это ведь он в мистическую историю вляпался, ну и я заодно.

Закончилась вахта, и с работниками сполна рассчитались. Мы с Николаем поехали во Владикавказ, город, который сразу же окутал нас своей особенной, южной атмосферой. В районе старого города сняли на несколько дней квартиру. Окна выходили на узкую улочку, вымощенную брусчаткой, которая, казалось, помнила шаги тех, кто давно здесь носил черкески и папахи. Воздух был пропитан пряными запахами – где-то жарили шашлык, пахло специями, сушёными травами и горной свежестью, которая спускалась с вершин, видневшихся на горизонте. Остаток дня провели, гуляя по проспекту Мира (аналог Арбата), набережной Терека, старинным улочкам. Я смотрела на Николая, и мне казалось, что этот отдых – лучшее, что могло со мной случиться после тяжёлых месяцев работ в садах. А затем была хорошая ночь, как оказалось, последняя спокойная, потом у Коли начался период нескончаемых кошмаров, да и мне пришлось жутко поволноваться.

Утром отправились с туристической группой в горы. Я осталась под большим впечатлением от поездки. Природа здесь была первозданной, величественной – такой, что дух захватывало. Иногда извилистая дорога пролегла между гор, и кое-где их отвесные стены нависали над ней, закрывая солнце. Тогда наступал холодный сумрак, и казалось, что скалы пытаются зажать машину в своих мощных, каменных тисках. Посетили знаменитое Кармадонское ущелье, где сама земля, казалось, дышала историей, а также много других достопримечательностей, локаций, с которых открывались незабываемые виды на умопомрачительные пейзажи. По пути постоянно попадались старинные охранные башни, сложенные из дикого камня, и небольшие каменные постройки с пирамидальной крышей – они стояли молчаливыми стражами, охраняя память веков. Гид рассказывал о древних обычаях, о том, как защищали эти земли, и я чувствовала, как время здесь течёт иначе – медленно, не спешно, словно горный мёд.

На обратном пути во Владикавказ нашу группу привезли к развалинам старинного осетинского поселения с многовековой историей. Вскоре выяснилось, что здесь-то вся эта жуткая мистика с Николаем и началась. В поселении было несколько сторожевых башен, руины разрушенных строений, а также хорошо сохранившиеся небольшие сооружения с двускатной крышей, и небольшими отверстиями в стене.

Гид, коренной осетин с умными, внимательными глазами и густыми усами, начал свой рассказ. Голос его звучал с уважением, как будто он говорил о чём-то священном. От гида узнали, что это склепы – родовые усыпальницы для нескольких поколений одной фамилии, в которых осетины хоронили своих умерших. Согласно древнего похоронного обряда, умерших помещали в эти сооружения в самых дорогих нарядах, вместе с украшениями, оружием. Такие факторы, как сухой горный климат, продуваемость, отсутствие застоя воды, способствовали мумификации останков, они хорошо сохранились до наших дней, можно в этом убедиться, заглянув в отверстие, на самом деле являющееся входом в склеп, через который помещались умершие вовнутрь. И когда гид произносил эти слова, я видела, как Николай, стоящий рядом, вдруг странно напрягся – его челюсть сжалась, а глаза сузились, как у человека, который что-то задумал.

Также гид сообщил, что в Средние века во время смертельных эпидемий чумы и холеры, чтобы не заразить окружающих, больные в погребальных одеждах отправлялись добровольно в свои родовые склепы дожидаться смерти. Тем самым несчастные старались дать шанс на выживание не заразившимся жителям поселения. Родственники приносили для них еду, которую оставляли поблизости от склепов. Если еда оставалась нетронутой, значит, человек ушел в мир иной, и по нему проводили похоронный обряд.

По словам гида, если в роду не осталось ни одного живого человека, то соплеменники заваливали вход в склеп мельничным жерновом. Это служило знаком, что род владельцев данного склепа прервался.

После лекции люди отправились знакомиться с поселением. Мы с Николаем тоже побродили, заглянули в сторожевую башню. А вот к склепам я не пошла, хотя и было интересно, но решила: незачем беспокоить усопших. Вернулась к автобусу. Постепенно почти все собрались, стали обсуждать увиденное, зрелище не для слабонервных, на фоне гор человеческие останки показывали тленность бытия. А Николая всё не было. Я уже стала переживать к тому моменту, когда он появился. На мой немой вопрос пояснил, мол, живот скрутило, а туалета нет, вот он за валуном и присел.

За день мы нагулялись, подустали, надышались чистым горным воздухом, и по возвращении в квартиру после ужина меня сморил крепкий сон. А вот Николаю не спалось, сквозь сон слышала, как он неоднократно вставал с постели, ходил на балкон курить. Мы заранее договаривались, что на следующий день пойдем на знаменитый центральный рынок Владикавказ, однако дружок отказался от намеченного похода, сославшись на усталость и бессонную ночь. Когда я, восторженная, вернулась с многочисленными покупками в квартиру, то Коли там не обнаружила, пришел он ближе к полднику, без аппетита покушал и, ничего не рассказав, отправился в спальню. Но спал недолго, вздрагивал, стонал, и эти звуки были такими жалобными, что мне даже стало его жаль.

Остаток дня провели на улицах города. Мне так понравился Владикавказ, что я сама себе дала слово – обязательно приеду сюда вновь. А вот Николай был явно без настроения, выглядел уставшим, ничто не интересовало его. Ночь прошла беспокойно, он неоднократно выл, кричал во сне, подскакивал, тем самым пугая меня. Следующий день мы вновь провели порознь, когда встретились, он выглядел изможденным, был нервным, испуганным. Меня все это стало напрягать, обеспокоенная таким странным поведением, начала расспрашивать, что с ним происходит.

Выяснилось, что человек не может спать из-за страшных сновидений. Постоянно снится пожилой седовласый мужчина, усатый. Сначала был один, что-то говорил на непонятном тарбарском языке, в первый раз спокойно, потом интонация поменялась, стала злой. Затем, вместе со стариком стали снится еще какие-то люди. С каждым сном число людей увеличивается, они что-то говорят, выкрикивают, стоит громкий гомон, но разобрать слов невозможно. И спать нереально, устал от бессонницы, а что делать не знает.

Я никогда ни с чем подобным не сталкивалась, что-то толковое посоветовать не могла, и тогда начался мозговой шторм. Я смотрела на него: бледный, с темными кругами под глазами, с дрожащими руками – и понимала, что он находится на грани. Наконец-то меня осенило:

- Так мы же сейчас в Осетии! Может, старик говорит по-осетински? Постарайся во сне запомнить хотя бы несколько слов, потом переведем и, может быть, поймем, чего от тебя хотят.

Николай согласился, а что ему ещё оставалось делать? Он засыпал снова и снова, но каждый раз через несколько минут начинал выть, кричать, а затем вскакивал объятый страхом. Я видела, как по его лицу струится пот, как он хватается за грудь, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Но ему все-таки удалось запомнить два слова: «ратын», «адзал». Интернет нам не помог, и тогда я отправилась на улицу за помощью к осетинам. Не с первого раза, но помогли, оказалось, что у первого слова было несколько значений, а вот значение второго слова меня сильно испугало.

Когда я вернулась, Николай был в сильно возбужденном состоянии. Я начала перечислять значения слова «ратын», и когда дошла до «верни», он остановил меня движением руки и закончил: «иначе смерть». Удивленно спрашиваю:

-Как ты это понял?

- Да, весьма доходчиво во сне объяснили, – прошептал он, и его глаза расширились от ужаса. – Провели рукой по горлу.

После этого у нас начался тревожный диалог. Меня душила злость и страх одновременно, и я не сдерживалась:

- Скажи, за что тебя хотят убить? Ведь ничего так просто не бывает, как говорит моя мама, даже котёнки просто так не рождаются. Ты с кем-то здесь конфликтовал?

-Ничего такого не было...

- А что ты делал, где был, когда я ходила на рынок?

- В антикварный магазин зашел кольцо оценивал.

-Что за кольцо?

Николай с явной неохотой показал мне золотой перстень с кроваво-красным камнем. Похоже, старинный, дорогой. Камень внутри казался живым – он пульсировал темным, густым светом, и, когда я смотрела на него, мне казалось, что он меня гипнотизирует.

-Откуда он у тебя? - интересуюсь.

- Нашел.

Я хотела спросить, где это случилось, но тут же сама все поняла:

- В склепе! Не ходил ты до ветра, а к мертвецам залез. Как ты мог, о чем ты думал?! Ты ненормальный? Наверное, подцепил среди костей какую-то заразу, типа чумы, а теперь тебя галлюцинации мучают. Ты еще и меня, возможно, заразил!

Николай молчал, сидел опустив голову. Вид у него был жалок, но в этот момент я почувствовала к нему не жалость, а что-то другое – омерзение. Как можно было так поступить? Залезть в чужой склеп, потревожить останки, украсть то, что принадлежит мёртвым? В моей душе росло чувство неприятия этого человека. И тут, словно молния, пронзила страшная догадка, и гневные слова полились из меня, как бурная горная река:

- Похоже, ты не понимаешь, что натворил?! Тебе снится несчастный старик, которого ты обидел, забрав перстень у мертвого. Думал, никто не узнает? Но мертвец-то не простой, может за себя постоять, будет мстить вместе со своим родом, пока не добьется своего. А если

при твоей жизни этого не получится, то они тебя и на том свете достанут. Но, скорее всего, твои дни сочтены, осталось недолго. Ведь ты не только родовое захоронение осквернил, но и оскорбил память предков. А мы на Кавказе, здесь существует кровная месть! Если не вернешь кольцо, то тебе конец, без сна долго не проживешь, или с ума сойдешь, или к тебе нагрянут горячие горцы, влекомые праведным гневом.

- Да как они узнают-то? - попытался возражать Николай. Голос его дрожал, и я видела, как под его кожей, на шее, бьется жилка – пульс был бешеным.

Но я его прервала:

Но ведь старик тебя нашел, что ему мешает во сне сообщить живым родственникам, кто это сделал и где находится негодяй? Они не будут церемониться, как барана прирежут тебя, и меня заодно. Нельзя терять время! Давай, вызывай такси, в горы езжай, кольцо хозяину возвращай, кайся, на коленях прощение проси.

После молчаливой паузы, морально раздавленный, но пытающийся хорохориться Николай сказал:

- Ладно, так и сделаю, но не сейчас, уже очень поздно. Что я псих ночью к мертвецам ходить?! Утром поеду. А ночью постараюсь не спать, несколько чашек кофе взбодрит.

Утром Николай отправился в горы, а я осталась ждать от него звонка. Я смотрела, как он уходит, и в его походке было что-то обречённое. Он даже не обернулся. Я стояла у окна, и мои пальцы, сжимающие подоконник, побелели от напряжения. Но прошло два часа, затем истекло всё возможное время, а телефон молчал. Тогда я попыталась сама до него дозвониться, но абонент был вне зоны сети. Внутри меня возникло волнение, вскоре переросшее в панику. Что только не передумала. Рисовала картины: как его находят в горах, как с ним расправляются разгневанные горцы, как его тело бросают в пропасть. Когда прошло пять часов, я быстро собрала вещи, покинула квартиру, оставив ключ в специальном устройстве с кодовым замком. Вызвала такси, уехала на железнодорожный вокзал. У меня был билет на поезд, отбывающий через сутки, но мне удалось обменять его на другой, отходящий через несколько часов. Я сильно нервничала, воображение рисовало жуткие картины. И тут раздался долгожданный звонок. Голос Николая, хриплый, уставший, но живой. Он сообщил, что сделал всё как надо, вернул перстень, покался.

На мой вопрос, где его черти носили, получила неожиданный ответ. Оказывается, этот жмот даже в такой экстремальной ситуации решил сэкономить на такси, поехал на пригородном автобусе, который ходит на маршруте по расписанию четыре раза в день. Почти час ждал отправления автобуса, затем больше часа ехали до места, а оттуда пешком топал в горы до руин старинного поселения. Когда ехал в горы, заснул и своими дикими криками пассажиров перепугал, когда грозный старик приснился. На обратном пути во Владикавказ вновь уснул, но в этот раз безмятежно проспал до самого автовокзала. Старик не приснился, значит, всё получилось. А позвонить раньше не мог, потому что сеть его оператора в горах не ловится.

Он старался узнать, где я и какие у нас на вечер планы, он бодр и полон сил. Но я сказала, что нет больше никаких наших планов, и отключила телефон. Затем удалила из памяти номер и вычеркнула из своей жизни воспоминания про эту жалкую ничтожную личность. Однако спустя полгода это ничтожество смогло хитростью дозвониться до меня с другого телефона. Предлагал вновь поехать вместе на очередную вахту. Я молчала, Николай, видимо, всё поняв, под конец сообщил, что после приезда на родину сходил в храм, покался, и той же ночью старый осетин приснился вновь. Старик ничего не говорил, лишь строго посмотрел, покачал указательным пальцем и растворился. Доходчивый урок преподавал, будет другим проходимцам наглядная наука...

Неведомые стражи, или Встреча у входа на кладбище

Рассказ написан по мотивам событий, которые произошли с читателем Юникс.

Эта жуть произошла со мной осенью 2000 года. В одной из станиц Краснодарского края. В этих краях осень не является периодом привычных листопадов и беспричинной грусти. Это время, когда земля наконец-то остывает от нескончаемого летнего марева, и воздух становится плотным, прозрачным и порою злым, порывистым. Станица, в которой время текло медленнее грязи на проселке после дождя, встретила нас запахами дыма от печей, сухой травы и где-то вдали – лёгкой горчинкой сожжённых листьев. Наша строительная бригада находилась там в командировке. Был самый конец сентября, на улице в основном тепло и сухо.

Однажды во время выходного в станичной кафешке решили посидеть, расслабиться основательно, с размахом. Нас было пять человек. Начали где-то в девять часов вечера. Шашлыки, выпивка, закуски море, денег скинулись в достаток. Подтянулись местные ребята, добрые, как каравай, и пошло-поехало. Кавказская музыка, активные зажигательные танцы, как водится, в этих краях, зажигательная лезгинка. К часу ночи мы все уплыли в теплое мутное маревое опьянения, шашлычного дыма и приятельских хлопков по плечу.

Когда в час ночи заведение захлопнулось, мы выплеснулись на пустую улицу. Главная улица – прямая, асфальтовая, фонарная – вела напрямик к нашему временному жилью, вагончику на строительном объекте. Но пьяное братство куда-то рассосалось, растворилось в тёплой сентябрьской тьме. Я не стал никого искать. Настроение было благостным, в голове гудело приятно, и я свернул на какой-то проулок. Зачем идти по шумному асфальту, когда есть эта тихая, накатанная грунтовка?

Грунтовка вывела на окраину станицы, здесь с одной стороны дороги тянулась лесополоса, а с другой – чёрное, уходящее за горизонт поле. Огромная луна висела в небе, как вымытый медный таз, и светила так ясно, что тень от меня бежала впереди, чёткая и синяя. Видимость была хорошая, метров на сто видел все довольно хорошо. Я шёл, насвистывая что-то бессвязное. И тут заметил тишину.

Не просто отсутствие звуков. А нереальную тишину. Глухую, плотную, впитывающую, пустую – ни тебе стрекота сверчков, ни криков ночных птиц, ни шороха мыши в траве. Даже мои шаги по утопанной земле казались приглушёнными, будто я иду по толстой вате. В общем, тишь такая, что слышно, как кровь стучит в висках. Однако в начале мое настроение, благое и пьяное, не испортилось, а стало каким-то... остекленевшим. Я шёл в полном вакууме, и пьяная благодать потихоньку сменялась странной настороженностью. Пьяный человек – он ведь как животное, чует лишнее. А здесь, как вскоре выяснилось, действительно было лишнее.

Дорога была ровной. По ощущениям, я уже должен был подходить к окраине, к нашим строительным вагончикам. Впереди, в лунном свете, показался забор. Не штaketник, а дикий камень, сложенный кем-то старательно и давно, наверное, еще во времена царя Гороха. Серый, шершавый, с тёмными прожилками мха в щелях – он возвышался, как стена крепости. Подошёл ближе – увидел открытые железные ворота. Дорога вела прямо в них. «Ну, в путь так в путь», – мелькнула пьяная мысль.

Я поднял голову, чтобы сориентироваться, и обомлел. Прямо передо мной, в нескольких шагах, стояли они. Три фигуры. Чёрные. Не просто тёмные – поглощающие свет. Материя их одеяний, длинных, ниспадающих до самой земли, казалась бархатной, но бархатом могильной плиты – без блика, без отражения. Капюшоны, натянутые на незримые головы, были пусты. Не просто тёмные внутри. Это была пустота. Не слепая, а зрячая. В неё хотелось всматриваться, пока не закружится голова, в надежде увидеть хоть намёк на лицо, на глаза. Но там ничего не было. Только мрак, гуще ночного. Смотреть в него было одновременно противно и гипнотически притягательно, как в открытый люк таинственного подземелья.

Я замер. Нет, не от страха сначала, а от пьяного недоумения. Мозг, заторможенный алкоголем, пытался натянуть на эти непонятные фигуры знакомые шаблоны. «Скульптуры, – попытался убедить себя мой пьяный, но уже насторожившийся мозг. – Местные еще те чудачки. Поставили какие-то огромные статуи. Неужели денег куры не клюют?» Но они были чудовищно высоки. Голову приходилось запрокидывать до хруста в шее, как если смотреть на крышу пятиэтажки от самого основания. Метров пятнадцать. Не меньше. Они возвышались надо мной, безмолвные и незыблемые, как сторожевые башни в Осетии. Стоят бездвижно, как изваяния.

И тогда я увидел за их спинами, в раскрытых воротах, мерцающие в лунном свете кресты. Оградки. Холмики. Ба! Да это же кладбище, до которого было метров тридцать.

Но какая, к лешему, статуя в рост пятиэтажки у входа на кладбище? А они, стоят, словно молчаливая стража возле входа.

Я пялился на них, а они – своей слепой, немой пустотой – будто пялились на меня. Минуты две, наверное. Точно не скажу, ибо время сплющилось. И тишина давила на барабанные перепонки, становилась реальной, физической, как вода на большой глубине.

Потом одна из фигур пошевелилась.

Не шагнула. Она повернулась. Плавно, беззвучно, всем своим чёрным массивом. Капюшон теперь смотрел прямо на меня.

И на меня пахнуло холодом. Нет, не ветром. А волной холода, выходящей откуда-то из-под земли. Он прошёл сквозь одежду, кожу, проник в кости. Воздух вымерз. И в этой ледяной тишине у меня волосы на голове и на руках встали дыбом, будто к ним поднесли статический шар.

В голове не было паники. Был чистый, отшлифованный инстинкт, кричащий одним словом: прочь!

Но спина... Повернуться к этой страшной пустоте спиной было невыносимо. Это чувство было древнее страха – сокровенное знание, что нельзя показывать незащищенный хребет жуткому Зверю.

Я рванул. Задом. Спиной вперёд, не отрывая от них взгляда. Ноги заплетались, я рухнул на землю, вскочил. Они стояли. Та, что повернулась, неотвратимо начала наклоняться. Огромный чёрный клин капюшона надвигался на меня, беззвучно, как падающая тень мощной горы. Медленно. Неумолимо. Без злобы. Без любопытства. Вот тогда во мне что-то щёлкнуло.

Больше я не думал. Сознание отключилось, остался только спинной мозг, дикое лёгкое и взрыв адреналина, который выжиг из крови весь алкоголь за миллисекунду. Я вскочил, развернулся и рванул с места так, как не бегал, кажется, с армейских времён, мчался прочь, не оглядываясь, вложив в рывок всю силу, какая только была в ногах.

Как я бежал! Земля упруго отталкивала ступни, воздух свистел в ушах. Ноги сами несли, перепрыгивая через канавы, изворачиваясь от невидимых препятствий. Один раз, только один, я рискнул бросить взгляд через плечо. Луна по-прежнему ярко светила, но позади, там, где должны были быть ворота и неведомые фигуры, лежала лишь сплошная, непроглядная темень. Они не преследовали. Они даже не двинулись с места. Они просто... наблюдали.

Я нёсся через чей-то двор. Вскочила собака, здоровенная дворняга, ошетилилась, злобно гавкнула – и вдруг, встретившись со мной глазами, взвизгнула и шарахнулась в кусты, поджав хвост. Она не меня испугалась. Она почуяла то, что я уносил на себе – шлейф того леденящего, безжизненного ужаса.

Впереди – дощатый забор выше моего роста, сверху колючая проволока. Я не сбавил шага. Оттолкнулся, рука чиркнула по верхней поверхности, и я перелетел через него, как пустой бумажный пакет, подхваченный вихрем. Не почувствовал ни усилия, ни высоты. Адреналин – лучший допинг, который сделал меня невесомым.

Ещё один двор. Ещё высокий забор. Снова полёт. И вот я вывалился на другую дорогу, знакомую – центральная улица. Бросился к обочине, упёрся руками в колени. Лёгкие горели, выворачиваясь наизнанку в судорожных хриплых вздохах. Ноги дрожали так, что я еле стоял. И тогда, сквозь рвущийся кашель, до меня дошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.